№ 6.

МИНСКІЙ ЛИСТОКЪ

№ 6.

ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГАЗЕТА,

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ:

ПО ВТОРНИКАМЪ И ПЯТНИЦАМЪ.

Вторникъ, 22-го Апрѣля 1886 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ дост. и перес.			без дост. и перес.		
На 12 мѣсяц.	4 р.	— к.	На 12 мѣсяц.	3 р.	— к.
» 9 »	3 »	— »	» 9 »	2 »	50 »
» 6 »	2 »	50 »	» 6 »	2 »	— »
» 3 »	1 »	50 »	» 3 »	1 »	— »
» 1 »	— »	75 »	» 1 »	— »	50 »

Отдѣльные нумера продаются по 6 коп.

Подписка принимается: въ конторѣ Редакціи—на углу Соборной площади и Тюремной ул., д. №1—5, въ книжныхъ магазинахъ: Городенскаго и Фрумкина—на Губернаторской улицѣ, С. Ф. Савицкой—по Захарьевской улицѣ, во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Минской губ.—въ конторахъ Г.г. Нотаріусовъ, въ г. Бѣлостокѣ—въ книжн. магазинѣ Каплана и Брестъ-Литовскѣ—въ конторѣ Нотаріуса Боднера.

При перемѣнѣ адреса доплачивается 21 коп. марками.

ПРИНИМАЮТСЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ:

строчка петита или мѣсто, занимаемое ею на 1 стр.—14 к. на 4-ой—7 к.

Годовымъ подписчикамъ на объявленія дѣлается 20 проц. скидки.

СТАТЬИ и КОРРЕСПОНДЕНЦІИ,

присылаемыя въ Редакцію, должны быть за подписью и съ адресомъ автора. Статьи, неудобныя для печати, сохраняются въ Редакціи только до 3 мѣсяцевъ.

Статьи, принятыя къ печатанію, въ случаѣ надобности могутъ быть сокращаемы и исправляемы.

Редакція открыта для личныхъ объясненій съ 10 ч. утра до 3 час. по полудни.

АДРЕСЪ: губ. г. Минскъ, уголъ Соборной площ. и Тюремной ул., д. Вендорфа.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

18 и 20 Апрѣля въ Минскѣ было два большихъ пожара. Много пострадавшихъ. Приглашаемъ всѣхъ благотворителей и, вообще, людей, сочувствующихъ положенію погорѣльцевъ, къ пожертвованіямъ въ пользу таковыхъ. Пожертвованія принимаются ежедневно: отъ 10 до 3 ч. по полудни въ конторѣ Редакціи.

Минскъ, 22 Апрѣля.

Слухи о томъ, что Минскъ будетъ горѣть нынѣшнимъ лѣтомъ, къ невыразимому нашему горю, начинаютъ оправдываться на самомъ дѣлѣ. Минувшая недѣля дала себя знать минчанамъ: въ четыре дня подъ рядъ—17, 18, 19 и 20 Апрѣля—четыре пожара! Первый произошелъ за чертою города; второй—на Мясницкой улицѣ, въ каменномъ домѣ Элія Шварца—былъ только покушеніемъ на поджогъ; третій—на Троицкой горѣ, между Александровскою и Широкою улицами, истребилъ шесть деревянныхъ домовъ и, наконецъ, послѣдній пожаръ истребилъ болѣе сотни домовъ въ какихъ нибудь пять-шесть часовъ. Ниже, въ отдѣлѣ ,,Мѣстной Хроники", читатели найдутъ подробности послѣднихъ двухъ пожаровъ, не десятки, а сотни семей оставившихъ безъ крова, пріюта и имущества. Пожаръ, этотъ страшный бичъ народнаго благосостоянія, по своимъ послѣдствіямъ не можетъ быть ничего ужаснѣе; это поистинѣ законный супругъ злой для всего человѣчества законной супруги войны. Только пожаръ и война могутъ творить такія бѣдствія въ одну минуту истребляя то, что человѣкъ въ потѣ лица своего, создавалъ десятками лѣтъ для себя, ближнихъ и для государства.

Пожары, съ 1881 года, нерѣдкость у насъ, въ Минскѣ. Трудно, даже просто невозможно, отыскать причину, почему они облюбовали именно нашъ и безъ-того бѣдный городъ. Горитъ онъ каждымъ лѣтомъ, горитъ какъ вслѣдствіе неосторожнаго обращенія съ огнемъ, такъ и отъ поджоговъ, и вслѣдствіе скученности деревянныхъ домовъ и ихъ пристроекъ, всякій разъ дѣлается добычею огня болѣе или менѣе значительная площадь.

И такъ, повторяемъ, слухи потвердились. Но откуда-же они исходили? Если насъ предупреждали о будущихъ пожарахъ, то слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что послѣдніе пожары произошли не отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ, а отъ умышленныхъ поджоговъ. Кто-же эти поджигатели? Чья злодѣйская рука здѣсь орудовала? къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ никто не можетъ дать опредѣленнаго отвѣта. Поджогъ принадлежитъ къ категоріи такихъ преступленій, гдѣ изъ тысячи случаевъ только въ одномъ можно возстановить фактъ преступленія и обнаружить виновнаго; это совершенно понятно и естественно: пожаръ не оставляетъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ тѣхъ приспособленій и средствъ, при помощи которыхъ онъ произведенъ; огонь все истребляетъ; далѣе, если бы въ извѣстномъ загорѣвшемся домѣ полиціею и задержано было подозрительное лицо, предполагаемый поджигатель, то послѣдній всегда можетъ оправдываться тѣмъ что-де онъ явился въ домъ спасать людей и имущество; и кто-же что можетъ возразить ему противъ такого вѣскаго аргумента? Если первыми начинаютъ горѣть дома застрахованные, то говорятъ: ,,сами хозяева подожгли съ цѣлью получить страховую премію"; а тѣ на это возражаютъ, что потери отъ пожара далеко превышаютъ цифру страховой преміи. Разслѣдуйте такое темное дѣло! Теперь говорятъ, что поджигатели никто иные, какъ рабочіе и поджигаютъ съ цѣлью имѣть лѣтомъ работу. Очень возможно и даже вѣроятно такое предположеніе. Но кто-же эти рабочіе? плотники, каменьщики, печники, кровельщики и т. д. Кто-же они такіе? никто ничего не можетъ на это отвѣчать. У насъ въ Минскѣ много такихъ рабочихъ и надзоръ за ними невозможенъ во всякое время; еще больше рабочихъ пришлыхъ и пріѣзжихъ изъ разныхъ губерній...

Бороться противъ пожаровъ трудно и даже невозможно; можно только принимать предупредительныя мѣры. Пусть сами домовладѣльцы и ихъ жильцы зорко слѣдятъ за своимъ добромъ и за каждымъ шагомъ приходящаго въ ихъ домъ незнакомаго человѣка. Замки и запоры не спасутъ ихъ отъ бѣды, а потому нечего и разсчитывать на нихъ. Нельзя также разсчитывать на полицію и ночную стражу, потому что и той и другой у насъ недостаточное количество,—да притомъ-же на нихъ и такъ уже много лежитъ самыхъ разнообразныхъ обязанностей...

Намъ возразятъ: ,,да вѣдь мы не сыщики и рекомендуемая вами мѣра невыполнима: не можемъ-же мы слѣдить по пятамъ за каждымъ человѣкомъ во всякое время дня и ночи." Въ такомъ случаѣ придумайте что-нибудь лучшее, болѣе цѣлесообразное и практичное. А пока буде-

ФЕЛЬЕТОНЪ.

РАЗБИТАЯ ЖИЗНЬ.

(повѣсть изъ уголовной хроники недавняго прошлаго).

II.

ИСПОВѢДЬ ПРЕСТУПНИЦЫ.

(Продолженіе).

«Отца своего я совсѣмъ не помню, такъ какъ мнѣ было только полтора года, когда онъ былъ убитъ подъ стѣнами Севастополя,»—такъ начала свой разсказъ узница. «Семья наша состояла изъ двухъ братьевъ и трехъ сестеръ; я была самая младшая изъ нихъ. Хотя говорятъ, что родители болѣе всего любятъ и балуютъ послѣдняго ребенка, но этого я не могу сказать относительно себя: меня матушка не только не баловала, но даже и совсѣмъ не любила, мало того, я нисколько не преувеличу, если скажу, что она просто ненавидѣла меня,—за что именно—я никогда не могла узнать, но полагаю, что эта ненависть родилась вмѣстѣ со мною. Питалъ-ли мой отецъ какое-либо родительское чувство ко мнѣ—я также не знаю; помню только, что моя старушка-няня впослѣдствіи разсказывала, что отецъ, возвратившись съ Венгерской компаніи и заставъ матушку въ интересномъ положеніи, до того вспылилъ, что подъ угрозою лишить жизни мою матушку, требовалъ отъ нея назвать какого-то молодаго офицера, бывшаго другомъ нашего дома; что затѣмъ между ними произошло—я не знаю, но только на другой день послѣ своего возвращенія, отецъ мой куда-то уѣхалъ, а чрезъ два мѣсяца матушка моя получила извѣстіе, что онъ отправился на Кавказъ, откуда затѣмъ попалъ въ Севастополь, гдѣ, какъ я сказала, и былъ убитъ. Такимъ образомъ я никогда его не видѣла... Но если мать меня ненавидѣла, то всю любовь свою перенесла на двухъ старшихъ моихъ сестеръ. Пока я была дѣвченкою, сестры за мною ухаживали и видимо питали ко мнѣ искренную любовь; я помню только, что когда ихъ въ первый разъ матушка повезла въ Петербургъ, чтобы помѣстить въ Смольный институтъ, то прощанье наше было самое трогательное»...

«Съ отъѣздомъ сестры, я осталась дома одна, на попеченіи няни Аграфены, такъ какъ братья мои учились въ Пажескомъ корпусѣ и каникулярное время проводили у своего дяди, въ помѣстьѣ Михайловскомъ, Тамбовской губерніи,—матушка-же моя жила въ своемъ собственномъ имѣніи, Криница, Тульской губерніи.»

— Быть можетъ всѣ эти подробности для васъ, господинъ Холмскій, скучны и не интересны? въ такомъ случаѣ я прямо перейду къ исторіи моего паденія—замѣтила Лидія Николаевна своему защитнику, разсѣяно, по видимому, слушавшему ее.

— Нѣтъ, нѣтъ; напротивъ того. Если я не былъ такъ внимателенъ, то только потому, что начало вашего разсказа очень похоже на любой французскій романъ: такъ оно знакомо мнѣ!... Но я прошу васъ продолжать,—возразилъ адвокатъ.

— Вы говорите, что мой разсказъ походитъ на романъ,—можетъ быть, по вашему, это и такъ, но если моя исторія—романъ, то послѣ этого у насъ въ жизни не существуетъ драмы...Я въ такомъ случаѣ постараюсь вкратцѣ разсказать вамъ неинтересное для васъ свое дѣтство...

«Мать совершенно позабыла о моемъ существованіи, когда старшія сестры поступили въ институтъ,—продолжала Лидія Николаевна. Она цѣлую зиму проводила въ Петербургѣ, а на лѣто уѣзжала съ институтками въ помѣстье дяди, изрѣдка только навѣдываясь въ свое имѣніе, но и то не для того, чтобы повидать меня: она пріѣзжала за тѣмъ, чтобы убѣдиться въ честности своего управляющаго и, получивъ отъ него деньги, снова уѣзжала въ Михайловское. Такимъ образомъ, я была вполнѣ предоставлена самой себѣ и если бы не попеченія няни, то я не знаю, что изъ меня вышло бы. Она на свои трудовые гроши втихомолку каждое Рождество устраивала для меня елку, нѣжила, лелеяла и ласкала меня, словно родная мать, а затѣмъ, благодаря ея заботамъ, я выучилась грамотѣ».

«Такъ шли года за годами. Мнѣ минуло семь лѣтъ, а матушка нисколько не заботилась о моемъ образованіи. Въ нашемъ селѣ былъ батюшка, отецъ Антоній, такой добрый старичекъ,—царство ему небесное!—всегда обо мнѣ помнилъ и заботился. Разъ какъ зашелъ онъ въ нашъ домъ и, узнавъ, что матушка въ Петербургѣ, попросилъ няню отпустить меня съ нимъ. Та согласилась на его просьбу съ однимъ только условіемъ, что она будетъ меня сопровождать. Заложили пару лошадей въ сани и мы отправились къ батюшкѣ. Это была моя первая въ жизни поѣздка. Когда мы пріѣхали въ домъ батюшки, насъ встрѣтила его жена и двѣ дочери»...

— Позвольте отдохнуть: у меня воздуха не хватаетъ въ легкихъ,—тяжело дышать!—съ трудомъ проговорила узница.

Адвокатъ нетерпѣливо повертѣлся на скамейкѣ, вынулъ изъ кармана жилета массивные мозеровскіе золотые часы, медленно открылъ крышку, посмотрѣлъ на циферблядъ и сталъ высчитывать по пальцамъ.

— Вамъ, должно быть, некогда? спросила Лидія Николаевна. Въ такомъ случаѣ оставимъ эту исторію. Если я начала ее разсказывать, то потому только, что вы сами о томъ просили меня.

— Видите-ли, Лидія Николаевна,—теперь девять безъ пяти минутъ; ровно чрезъ часъ васъ попросятъ въ судъ, и я боюсь, что не успѣю выслушать изъ вашихъ устъ самого существеннаго для защиты: вы знаете, какъ наше общество падко на скандальныя исторіи? я боюсь, чтобы прокуроръ не воспользовался такимъ настроеніемъ, потому что въ такомъ случаѣ мнѣ нечѣмъ будетъ разбить этихъ иллюзій общественнаго предразсудка. Извините меня, но я вѣдь хлопочу въ ва-

те придумывать и соображать, не позабудьте о несчастныхъ жертвахъ послѣднихъ двухъ пожаровъ, для пособія которымъ редакція „Минскаго Листка" открываетъ у себя пріемъ пожертвованій. Съ міру по ниткѣ—голому рубашка!

ТЕЛЕГРАММЫ.

(Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства).

ПЕТЕРБУРГЪ, 19 Апр. Оффиціальная телеграмма изъ Ялты. Сегодня Едхемъ-паша выѣхалъ обратно въ Константиноп.

АѲИНЫ, 19 Апр. Правительство продолжаетъ заявлять о невозможности покориться безусловно требованіямъ державъ, но въ тоже время постепенно приступаетъ къ разоруженію. Два возраста резервистовъ распущены по домамъ. Приказъ Аѳинскому гарнизону выступить на границу отмѣненъ. Четыре приспособленныхъ для крейсерской службы судна разоружаются.

АѲИНЫ, 19 Апр. Деліанисъ въ бесѣдѣ съ французскимъ посланникомъ заявилъ, что, если державы будутъ настаивать на требованіяхъ, изложенныхъ въ ультиматумѣ, Греція не разоружится и предоставитъ державамъ приступить къ понудительнымъ мѣрамъ. Судна международнаго флота стоятъ подъ парами. Командамъ запрещено сходить на берегъ.

СОФІЯ, 19 Апр. Князь продолжалъ поѣздку по новымъ провинціямъ. Цановъ въ открытомъ письмѣ предлагаетъ своимъ политическимъ единомышленникамъ устраивать митинги съ цѣлью протеста противъ образа дѣйствія министерства по отношенію къ князю.

ПЕТЕРБУРГЪ, 20 апрѣля. Вчера академія наукъ въ торжественномъ засѣданіи чествовала память перваго русскаго историка Татищева по случаю двухсотлѣтней годовщины дня его рожденія; публики было много; въ числѣ почетныхъ гостей находились: Великій князь Константинъ Константиновичъ, Министръ путей сообщенія, Товарищъ министра нар. просвѣщенія. Академикъ Поповъ произнесъ рѣчь о Татищевѣ, какъ историкѣ; академикъ Безобразовъ посвятилъ свою рѣчь выясненію дѣятельности Татищева, какъ устроителя горнаго дѣла въ Россіи.

ПЕТЕРБУРГЪ, 20 апрѣля. Оффиціальная телеграмма изъ Ялты. Вчера Румынскій военный министръ Ангелеску былъ принятъ Государемъ въ аудіенціи и вручилъ Его Величеству собственноручное письмо короля Румыніи; затѣмъ посланникъ былъ принятъ Государыней вечеромъ. Генералъ Ангелеску съ лицами своей свиты былъ приглашенъ къ Высочайшему столу.

Journal de St.—Petersburg по поводу готовности Деліаниса разоружиться въ срокъ, обусловленный необходимою осторожностью, замѣчаетъ: „Европа безспорно приметъ во вниманіе эту необходимую осторожность, но должна потребовать, чтобы установленіе срока разоруженія не было предоставлено исключительно аѳинскому кабинету. Разоруженіе должно производиться при условіяхъ, гарантирующихъ Европу отъ новыхъ воинственныхъ затѣй Греціи и допускающихъ сокращеніе турецкой арміи.

АѲИНЫ, 20 апрѣля. Представители пяти державъ собрались вчера вечеромъ, чтобы сообщить другъ другу полученныя отъ ихъ правительствъ инструкціи. Признаютъ достовѣрнымъ, что представители Россіи и Италіи получили инструкціи въ примирительномъ духѣ, а представителямъ трехъ остальныхъ державъ предписано настаивать на выполненіи условій ультиматума. Считаютъ несомнѣннымъ, что Деліанисъ не сдѣлаетъ никакихъ новыхъ уступокъ, полагая, что своимъ выходомъ въ отставку онъ допустилъ бы нарушеніе верховныхъ правъ Греціи. Здѣсь предвидятъ громадныя трудности въ прінсканіи такого министерства, которое согласилось бы на разоруженіе при условіяхъ, требуемыхъ пятью державами. Положеніе дѣлъ чрезвычайно осложнено.

ПЕТЕРБУРГЪ, 21 апрѣля. Вчера въ Александринскомъ театрѣ праздновалось пятидесятилѣтіе комедіи „Ревизоръ". Передъ началомъ представленія на выставленный посреди сцены и окруженный артистами и литераторами бюстъ Гоголя возложенъ былъ лавровый вѣнокъ при восторженныхъ кликахъ и аплодисментахъ публики.

Телеграммы „Московскихъ вѣдомостей":

ПЕТЕРБУРГЪ, 18 апрѣля. Сенатъ разъясняетъ, что избирательный сельскій съѣздъ открывается мировымъ судьей, а гдѣ его нѣтъ—мировымъ посредникомъ, которые и предлагаютъ выборщикамъ назначить изъ своей среды предсѣдателя съѣзда, утверждаютъ это назначеніе и затѣмъ разрѣшаютъ всѣ возникающія при выборахъ гласныхъ недоразумѣнія.

Сенатъ разъясняетъ также, что городскія думы не имѣютъ права постановлять опредѣленія объ исходатайствованіи наградъ должностнымъ лицамъ городскаго общественнаго управленія и прочимъ городскимъ обывателямъ за дѣятельность ихъ на пользу города.

СЛОНИМЪ, 18 апрѣля. Въ Свислочѣ Волковыскаго уѣзда сгорѣло 130 домовъ. Около 400 семействъ осталось безъ пристанища.

КИШЕНЕВЪ, 18 апрѣля. Вчера послѣдовало торжественное открытіе памятника въ Бозѣ почившему Императору Александру II. Съ утра городъ принялъ праздничный видъ, масса народа наполняла улицы, прилегающія къ памятнику. Памятникъ представляетъ высокій пьедесталъ съ барельефами, на который установлена фигура покойнаго Государя во весь ростъ, съ обнаженной головой и въ порфирѣ. Въ правой рукѣ находится свитокъ, означающій манифестъ объ объявленіи войны Турціи, съ надписью: „12 апрѣля 1877 года". Лѣвою рукой фигура Государя опирается на корону и царскія регаліи. Ниже этого на пьедесталѣ другая надпись: «Царю Освободителю Императору Александру II», а затѣмъ третья надпись: «19 февраля 1855 г.—1 марта 1881 года». Въ общемъ памятникъ красивъ. Фигура отлита изъ бронзы академикомъ Опекушинымъ. Памятникъ обошелся свыше 20 тыс. руб.

ПЕТЕРБУРГЪ, 18 апрѣля. Опубликованы правила оцѣнки лѣсныхъ угодій и надзора за лѣсами въ имѣніяхъ закладываемыхъ въ Государственномъ Дворянскомъ Земельномъ Банкѣ.

Постановленія и распоряженія Правительства.

Высочайшія награды.

ПО МИНИСТЕРСТВУ ЮСТИЦІИ.

Государь Императоръ, въ воздаяніе отлично усердной службы нижепоименованныхъ лицъ, 13 апрѣля, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать:

Ордена: Св. равноапостольнаго князя Владиміра 3-й степени прокурору Кіевской Судебной Палаты Шепелеву.

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени Товарищу Предсѣдателя Смоленскаго Окружнаго Суда—Отто, предсѣдателю Дисненскаго съѣзда, Виленской губерніи,—Теребеневу, прокурору Смоленскаго Окружнаго Суда,—Давыдову, Товарищу Прокурора Виленской Судебной Палаты—Раговичу.

Св. Анны 2-й степени: Товарищу Предсѣдателя Минскаго Окружнаго Суда—Герике; Членамъ окружныхъ Судовъ: Виленскаго—Луполову, Гродненскаго—Петрову, Могилевскаго—Козанскому, Пензенскаго—Эттингеру.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

(отъ нашего корреспондента).

М. ЕЛЬСКЪ (Мозырскаго уѣзда). Равнодушіе, обнаруживаемое мѣстнымъ населеніемъ къ появляющимся бѣшенымъ собакамъ, заставляетъ меня взяться за перо въ надеждѣ, не вызовутъ ли эти строки надлежащихъ мѣръ со стороны административныхъ лицъ къ устраненію грядущагозла. Характеризующая насъ—русскихъ пословица: „крѣпокъ заднимъ умомъ русскій человѣкъ" не всегда примѣнима къ бѣлоруссу: въ дѣлахъ, касающихся его жизни и имущества, онъ часто полагается на „авось",—бѣлорусское—„якъ Богъ дасъ" и при постигшемъ его несчастіи не высказываетъ даже сожалѣнія о непринятіи мѣръ къ устраненію зла, бывшихъ въ его распоряженіи. Въ послѣдніе дни появилось одна за другой нѣсколько бѣшеныхъ собакъ. Крестьянинъ не старается убить свою собаку при первыхъ симптомахъ бѣшенства, а только гонитъ ее со своего двора. Собака набрасывается на все, попадающееся ей по пути и свободно продолжаетъ такія операціи день

шихъ же интересахъ,—мягко замѣтилъ адвокатъ.

— О, что касается моихъ интересовъ, то ихъ у меня не существуетъ!—живо возразила разсказчица,

— Виноватъ, я неточно выразился: ваши интересы тѣсно связаны съ интересами общества,—поправился Холмскій.

— Какимъ это образомъ? я васъ непонимаю!

— Ахъ, очень просто: въ вашихъ интересахъ не преувеличивать свою вину, а въ интересахъ общества—снять съ васъ маску преступницы, которая случайно была накинута на ваше лицо, т. е. на нравственную вашу физіономію... Я хочу доказать этому обществу, что оно глубоко ошибается, видя въ васъ преступницу, а не несчастную женщину, принесенную въ жертву на алтарь эгоизма, лжи, тщеславія и порока...Но я васъ слушаю, такъ какъ вы теперь приближаетесь къ самой интересной для меня эпохѣ своего дѣвичества. Продолжайте, пожалуйста!

Лидія Николаевна нѣсколько призадумалась, а затѣмъ снова продолжала прерванный разсказъ

«Отецъ Антоній, узнавъ отъ моей няни, что моя мать оставила меня на произволъ судьбы, позаботился о моемъ образованіи. Двѣ дочери его, въ которыхъ я нашла вторыхъ сестеръ воспитывались въ гимназіи и съ радостью взялись за роль моихъ учительницъ. Училась я около трехъ лѣтъ, но ученье мое было прервано внезапнымъ пріѣздомъ матушки съ сестрами, окончившими уже курсъ ученья въ институтѣ. Я замѣтила въ нихъ нѣкоторую холодность; онѣ были уже не тѣми сестрами, когда я впервые съ ними разставалась. Матушка стала внушать мнѣ, чтобы я ухаживала за ними.«Ты и подметки ихъ не стоишь!»—замѣтила она однажды, когда я заикнулась было о томъ: повезутъ ли и меня въ Смольный. Словомъ, я мало-по-малу превратилась въ горничную: чистила платья сестеръ, убирала ихъ комнаты, помогала имъ одѣваться и т. д., такъ что сосѣдніе помѣщики и пріѣзжіе знакомые считали меня за пріемыша. Сначала меня крайне огорчало такое положеніе, но современемъ я свыклась съ нимъ.»

«Сестры сдѣлались уже настоящими невѣстами, да и я становилась подросткомъ. Много къ намъпріѣзжало жениховъ, но всѣ почему-то брезгали моими сестрами.»

«Два года тому назадъ, когда мнѣ было уже шестнадцать лѣтъ, а сестры приближались къ тому Рубикону, за которымъ ихъ ждали «старыя дѣвы»,—къ намъ пріѣхалъ молодой гусарскій офицеръ. Матушка была очень внимательна къ нему, видя въ лицѣ его жениха для одной изъ старшихъ своихъ дочерей. Надежда эта еще болѣе усилилась въ ней, когда этотъ офицеръ заявилъ, что онъ надѣется долго погостить у насъ. Матушка стала втихомолку приготовлять приданое для старшей дочери Нади, такъ какъ почему то предполагала, что офицеръ непремѣнно будетъ просить ея руки. Но, къ моему несчастью, случилось совсѣмъ другое. На сколько онъ былъ холоденъ въ обращеніи съ моими сестрами, на столько внимателенъ и предупредителенъ ко мнѣ. Это на первыхъ порахъ чрезвычайно ласкало мое самолюбіе; я гордилась тѣмъ, что «женихъ» оказываетъ мнѣ предпочтеніе предъ сестрами. Мало-помалу я такъ привыкла къ этому ухаживанью, что иногда у меня стали являться разныя требованія, капризы, исполненія которыхъ я всегда ожидала со стороны этого офицера. Въ душѣ зародилась даже ревность: я изъ себя выходила, когда онъ игралъ какой-нибудь романсъ въ четыре руки съ Надею; я проклинала свою мать за то, что она не научила меня играть на роялѣ. Офицеръ,—буду называть его просто Николаемъ,—замѣчалъ это и нарочно заигрывалъ съ Надею»...

«Наступило лѣто. У насъ при домѣ былъ грамадный садъ. Я сидѣла въ одинъ вечеръ въ бесѣдкѣ и читала «Бѣдную Лизу» Карамзина. Не знаю почему, но эта повѣсть чрезвычайно нравилась мнѣ, не смотря на свою старину. Вдругъ сзади меня кто-то окликнулъ,—я оглянулась—это былъ Николай.

—Зачѣмъ вы здѣсь въ такое время?

— А вы зачѣмъ?—насмѣшливо спросилъ онъ меня.

Я не знала что и какъ ему отвѣтить. Благоразуміе говорило мнѣ, чтобы я оставила этого человѣка; но, съ другой стороны, какое-то неопредѣленное, невѣдомое чувство приковывало меня къ скамейкѣ, на которой я сидѣла.

— Но вѣдь вы должны были быть у Сѣниныхъ? вѣдь вы же поѣхали къ нимъ вмѣстѣ съ мамашей и сестрами? развѣ и онѣ уже возвратились?—спросила я, оправившись отъ такой неожиданной встрѣчи.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.

— Зачѣмъ же вы ихъ оставили?

— А затѣмъ чтобы быть съ вами, Лидія Николаевна.

— Объясните мнѣ: что это значитъ?

— Да то, что я ваше общество предпочитаю всѣмъ другимъ... Но оставьте задавать мнѣ вопросы... Вотъ лучше поговоримъ-те ка о чемъ нибудь... Что это вы читаете?

Я не отвѣчала; я не знала еще человѣческаго коварства; я не вѣрила во зло и думала, что его на свѣтѣ не существуетъ.

Николай взялъ изъ моихъ рукъ книгу.

— Батюшки, какую старину вы читаете?—засмѣялся онъ.

— Что кому нравится: на вкусъ и цвѣтъ товарища нѣтъ!—возразила я.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь! А можетъ быть для васъ я и есть этотъ «товарищъ»? Право! Я отъ души люблю «Лизу», потому что она похожа на васъ...

— Это какъ же считать: комплиментомъ или насмѣшкою?—спросила я.

— Ни тѣмъ ни другимъ; это правда, чистая правда! Я люблю сантиментальныхъ дѣвушекъ, потому что и самъ подъ часъ непроч

или два, пока кому либо не удастся убить ее коломъ. Мнѣ кажется, что прямая обязанность полицейскаго урядника, живущаго въ мѣстечкѣ, сдѣлать зависящія распоряженія и позаботиться объ истребленіи бѣшеныхъ животныхъ. Участіе полиціи необходимо, во-первыхъ, потому, что у крестьянъ отняли до Петрова дня ружья, а, во-вторыхъ, и потому, что владѣлецъ укушенной собаки не захочетъ добровольно убить ее, надѣясь на „якъ Богъ дасъ.“ Масса укушенныхъ собакъ и свиней остается на свободѣ и чрезъ три, четыре недѣли въ свою очередь проявятъ бѣшенство. Злые языки говорятъ, что полиція не приметъ никакихъ мѣръ до тѣхъ поръ, пока кто либо изъ ея чиновъ не будетъ укушенъ бѣшеной собакой.

МѢСТНАЯ ХРОНИКА.

— Въ Четвергъ 24 Апрѣля, съ вечернимъ поѣздомъ прибудетъ въ Минскъ Его Сіятельство Князь Николай Николаевичъ Трубецкой, назначенный Минскимъ Губернаторомъ.

Два большихъ пожара въ гор. Минскѣ.

I.

18 Апрѣля въ 11½ час. утра, на Троицкой горѣ, поднялся высокій столбъ чернаго дыму. Народъ съ зловѣщими криками: „пожаръ", побѣжалъ на Троицкую гору. Поспѣшилъ туда и я. Оказалось, что въ сараѣ почтосодержателя Гурвича загорѣлось сѣно. Почтовыя лошади выскочили изъ конюшенъ и стремглавъ поскакали по улицамъ. Смятеніе было ужасное: плачъ, стоны, крики, возгласы отчаянія раздавались на мѣстѣ пожарища и раздирали сердце. Огонь дѣлалъ свое дѣло. При сильномъ порывистомъ вѣтрѣ, пламя скоро охватило 6 сосѣднихъ домовъ, сгорѣвшихъ до тла въ продолженіе часа времени. Дружными усиліями пожарныхъ Мин. Вольн. Пожарн. Общества, подъ руководительствомъ гг. В. Д. Кривошеина, А. И. Поляка и Штулькерга, огонь былъ локализированъ и его достояніемъ сдѣлались только шесть домовъ. Въ особенности пострадалъ домовладѣлецъ г. Пржеемскій, у котораго сгорѣлъ до тла только-что выстроенный деревянный домъ, стоившій 1000 руб., но нигдѣ не застрахованный, а другой домъ испорченъ ломкою. Причину пожара относятъ къ поджогу. Во время пожара были и несчастные случаи съ людьми: пожарный обозъ наѣхалъ на какую-то еврейку, которой тутъ же на мѣстѣ оказана была медицинская помощь, и ранено пять охотниковъ Вольнаго Пожарнаго Общества.

II.

Не успѣли опомниться отъ этого перваго пожара, какъ въ ночь на 20 апрѣля страшное пламя показалось на Нижнемъ базарѣ. Въ нѣсколько минутъ огонь охватилъ 20 домовъ. Пожаръ начался во дворѣ каменнаго 3-хъ этажнаго дома, принадлежащаго Московскому Земельному Банку. Чрезъ полчаса горѣли десятки домовъ. По прекращеніи пожара, къ 8 часамъ утра (пожаръ начался въ 1½ ч. ночи) оказалось до сотни сгорѣвшихъ до основанія деревянныхъ и три каменныхъ домовъ. Страшное зрѣлище представляло пожарище: это было огненное море, занявшее собою цѣлый кварталъ. Нечего было и думать о спасеніи пылавшихъ въ огнѣ сотни домовъ. Всѣ усилія пожарныхъ направлены были къ тому, чтобы отстоять дома крайнихъ двухъ точекъ этой площади. Попробовали-было покрывать брезентами, но это не помогло. Тогда рѣшили разбирать деревянные дома, на которые долженъ былъ перейти огонь, чтобы лишить послѣдній дальнѣйшей пищи. Это оказалось спасительнымъ средствомъ и пожаръ былъ локолизированъ и въ этомъ случаѣ должны мы отдать долгъ признательности и глубокой благодарности охотникамъ нашего Вольнаго Пожарнаго Общества, которые съ опасностью для жизни лѣзли въ огонь и дѣлали нечеловѣческія усилія къ прекращенію пожара. Такими людьми Минскъ долженъ поистинѣ гордиться; если остались цѣлыми я невредимыми деревянныя лачуги бѣдняковъ, то послѣдніе исключительно обязаны этимъ охотникамъ. Нельзя также обойти молчаніемъ и начальниковъ военныхъ частей: благодаря ихъ командамъ, много добра спасено изъ огня. Убытки отъ этого пожара пока еще не приведены въ извѣстность. Можно только съ вѣроятностью сказать, что до 3000 человѣкъ осталось послѣ этого пожара безъ крова и пріюта. Подробности сообщимъ послѣ.

Очевидецъ.

—3 Апрѣля Минская Городская Дума, выслушавъ докладъ Начальника Охотниковъ Минскаго Вольнаго Пожарнаго Общества о необходимости уплаты нѣкоторыхъ срочныхъ долговъ Пожарнаго Общества, единогласно постановила: поручить Городской Управѣ сдѣлать въ одномъ изъ Земельныхъ Банковъ заемъ въ 5000 руб., подъ залогъ каменнаго зданія, въ которомъ помѣщается Депо Вольнаго Пожарнаго Общества.

Но такое Вольное Пожарное Общество, какъ наше, заслуживаетъ еще большаго вниманія какъ со стороны Думы, такъ и со стороны публики—послѣдніе пожары доказали это. Слѣдуетъ всѣми силами поддержать его существованіе, не забывая также и расширенія его дѣятельности. Въ высшей степени желательно было-бы,—да и необходимо,—расширить дѣятельность Общества учрежденіемъ спасителей и охранителей имущества изъ горящихъ строеній.

—31 минувшаго марта въ лѣсу имѣнія Сержкутова, Зембинской волости, 2 стана, найденъ повѣсившимся житель деревни Зарембы той-же волости, Борисовскій мѣщанинъ Василій Романовъ Глушанинъ, имѣвшій отъ роду 40 л. Причина самоубійства положительное неимѣніе средствъ къ поддержанію существованія себя и своего семейства.

—Въ ночь на 1-ое сего апрѣля въ д. Средніе-Макраны, Кіевичской волости, Слуцкаго уѣзда, сдѣланъ поджогъ хлѣбнаго сарая кр. Семена Нуфрейчика. Въ поджогѣ обвиняются крестьяне сосѣдн. дер. Задворья: Александръ и Константинъ Пинчуки—Александровичи, оставшіеся въ живыхъ изъ семейства Пинчуковъ—Александровичей, убитыхъ крестьянами с. Макранъ и Задворья, и Адамъ Лазунъ, какъ неоднократно угрожавшіе крестьянамъ всей дер. Макранъ поджогомъ за то, что общество составило приговоръ о выселеніи ихъ, какъ вредныхъ въ обществѣ лицъ.—Въ виду сильнаго возбужденія крестьянъ противъ А. и К. Пинчуковъ и Адама Лазуна сдѣлано распоряженіе объ отдачѣ ихъ подъ стражу.

—6 апрѣля сего года, 4 крестьянина Бобруйскаго уѣзда, деревни Кострической Слободки, Любоничской волости, переправляясь чрезъ р. Березину, утонули. Они шли на заработки на пристань Щатковъ.

—9-го апрѣля, въ 10 ч. веч., въ д. Куписке, Любчанской волости, Новогрудскаго уѣзда, произошелъ пожаръ, которымъ истреблено 40 крестьянскихъ дворовъ со всѣми строеніями и разнаго рода движимымъ имуществомъ. Убытокъ 38500 руб. с. Сгорѣвшія строенія были застрах. въ губ. страх. общ. въ 5315 р. Пожаръ произошелъ отъ поджога, въ коемъ заподозрѣны жители дер. Куписки: Берко и Іосель Кивеліовичи.

—10 сего апрѣля Староста Кашкемскаго сельскаго общества, Дудичской волости, Игуменскаго уѣзда, Федоръ Василевскій скоропостижно умеръ послѣ принятія лекарства, даннаго ему знахаремъ.

—17 сего апрѣля около 11 час. утра отъ выжиганія пней крестьянами при линіи начиная съ 721 и 720 в., около ст. Фаниполь, загорѣся лѣсъ и пожаромъ истреблено 183 куба обществен. дровъ. Пожаръ потушенъ 18 апр. въ 5 ч. по полудни.

—17 апрѣля скончалась женщина въ еврейской больницѣ отъ укушенія бѣшенной собакою.

—Въ г. Пинскѣ, Минской губерніи, въ хозяйственномъ комитетѣ реальнаго училища будутъ производиться 25 апрѣля 1886 года торги, а 29 числа апрѣля переторжка съ 12 ч. дня на производство ремонтныхъ работъ и исправленій въ зданіяхъ Пинскаго реальнаго училища, согласно утвержденной смѣтѣ, на что исчислено по смѣтѣ 2387 руб. 40 коп.

ВЫПИСКИ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.

— **Попытка произвести въ Одессѣ антиеврейскіе безпорядки.** На второй день св. Пасхи, около 5 часовъ вечера, на Куликовомъ-полѣ, гдѣ собралась въ это время громадная толпа народа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ,— произошла небольшая схватка между подгулявшими, которые травили нѣкоторыхъ евреевъ. Для прекращенія драки явилась полиція и казаки, которые и начали разгонять собравшуюся толпу. Бушевавшие начали было противиться распоряженіямъ полиціи, но вскорѣ были удалены съ мѣста безпорядковъ. Удаленная съ Куликова-поля толпа хлынула въ сосѣднія Ришельевскую, Пушкинскую, Екатерининскую и др. улицы и начала бить стекла въ еврейскихъ лавкахъ и домахъ. Полиція съ казаками вскорѣ настигла бушевавшихъ и прекратила на означенныхъ улицахъ безпорядки. Къ вечеру безпорядки начались было на толкучемъ рынкѣ, гдѣ въ нѣсколькихъ домахъ и лавкахъ побиты были стекла; съ Толкучаго рынка безпорядки распространились на сосѣднія улицы, но также вскорѣ были прекращены. Не-

---

повиствовать имъ... Знаете-ли что, Лидія Николаевна, давайте сантиментальничать...

— То есть вы хотите изображать изъ себя богатаго барина, съ тѣмъ, чтобы я приняла на себя роль крестьянской дѣвушки?—невольно сорвалось у меня съ языка.

— А хоть бы и такъ, тѣмъ болѣе, что вы... Николай замялся.

— Что-же вы недоговариваете?

— Договорю послѣ. А вотъ зачѣмъ у васъ горитъ здѣсь свѣча и приманиваетъ своимъ свѣтомъ цѣлый рой комарей? Вы лучше потушите ее, вотъ такъ!

И соединяя слово съ дѣломъ, Николай дунулъ на свѣчу и та погасла. Мы очутились въ темнотѣ. Я хотѣла-было бѣжать, но Николай схватилъ меня за руки и привлекъ къ себѣ. . . . .

«Для меня настали счастливые дни. Я **любила** и была **любима**. Я упоилась счастьемъ. Николай весь отдался мнѣ и уже теперь я старалась исполнять его прихоти, потомучто онъ меня любилъ и я ему вѣрила. Не смотря на то, что мы жили подъ одною крышею, между мною и Николаемъ завязалась переписка, въ чемъ роль обязанности почталіона взяла на себя моя няня Аграфена. Бѣдная старушка! она думала въ простотѣ душевной, что содѣйствуетъ моему счастью, а на самомъ дѣлѣ была сообщницею обольстителя, сама того не зная»...

«Переписка пошла еще усерднѣе, когда матушка стала подмѣчать наши шуры-муры.

«Мнѣ запрещено было выходить къ общему столу и встрѣчаться съ Николаемъ. Сестры возненавидѣли меня изъ зависти, но все это не мѣшало намъ устраивать свиданья у большаго запущеннаго пруда, который мы въ шутку назвали «Лизинымъ прудомъ». Боже, какъ я была неопытна и вѣрила въ Николая, какъ въ Бога!...

Лидія Николаевна поднесла платокъ къ глазамъ, а потомъ, нѣсколько оправившись, продолжала:

«Въ одинъ прекрасный день Николай увѣдомилъ меня, что вслѣдствіе сцены, сдѣланной ему моею матушкою, онъ долженъ оставить нашъ домъ. «Но ты не пугайся»,—писалъ онъ,—«а слушай меня. Аграфена насъ выручитъ. Ты передай ей узелокъ своихъ тряпокъ» и необходимыхъ для тебя принадлежностей своего туалета и она снесетъ къ **Лизиному пруду**, гдѣ и будетъ ожидать тебя. Я уѣду вечеромъ, а ты отправляйся въ полдень на сѣнокосъ,—найди какую-нибудь причину, но только уважительную. Няня утромъ понесетъ косцамъ водку и незамѣтно захватитъ и твой узелокъ. Няня укажетъ тебѣ скромное мѣстечко въ чащѣ лѣса. Когда моя лихая тройка промчится мимо пруда, я выстрѣлю изъ пистолета; это будетъ значить, что путь безопасенъ и ты выходи ко мнѣ на дорогу... Свадьбу сыграемъ въ Петербургѣ. Твой будущій мужъ **законный Nicolas**»...

«Что мнѣ оставалсь дѣлать? Я любила и вѣрила, что меня также искренно, честно любятъ, а потому готова была пожертвовать даже жизнью своею. Дома у меня друзей не было, кромѣ няни Аграфены; я знала, что меня тамъ ожидаетъ послѣ отъѣзда Николая... Разстаться съ Николаемъ, моимъ будущимъ законнымъ мужемъ, стало быть отказаться отъ своего собственнаго счастья,—да кто-бы на моемъ мѣстѣ рѣшился на такое самоотверженье?!»

«Я болѣе не разсуждала и буквально исполнила все то, что совѣтовалъ мнѣ Николай въ послѣднемъ своемъ письмѣ. Я бѣжала! да, я оставила родительскій домъ и послѣдовала за Николаемъ; я рѣшилась на такой шагъ, потому что любила и вѣрила, вѣрила и любила... Вы скажете, что я поступила безразсудно, что я была дѣвушка неопытная довѣрчивая,—пусть такъ: вы, мужчины, всегда находите для себя извиненье въ слабости женщины; но въ такомъ случаѣ вы крѣпки, вы сильны! зачѣмъ-же злоупотреблять этими качествами? Вы скажете, что право сильнаго существовало во всѣхъ государствахъ Европы и санкціонировалось законодателемъ. Пусть такъ; но вѣдь это было давно... Однако я уклонилась отъ своего разсказа,-простите мнѣ!»...

«И такъ я бѣжала, бѣжала безъ оглядки... Няня усадила меня въ повозку, бросила подъ ноги какой-то узелъ, перекрестила меня и благословила крестомъ. Что затѣмъ происходило—я не помню: на меня нашелъ какой то столбнякъ, я видѣла сонъ, но не дѣйствительность... Бѣдная няня! она, вѣроятно, жестоко поплатилась за содѣйствіе къ моему побѣгу!..»

«Въ Петербургѣ мы остановились въ какой-то гостинницѣ»,—послѣ нѣкоторой паузы, продолжала Лидія Николаевна. «На меня какъ-то косо и подозрительно посматривали лакеи... Николай пропадалъ цѣлые дни, заставляя меня сидѣть безотлучно въ номерѣ. Я покорилась безпрекословно, потомучто готовилась быть матерью. Свадьба между тѣмъ откладывалась со дня на день,—все являлись какія-то непреодолимыя препятствія: то Николай не устроился съ кватирою; то ему не выдавали разрѣшенія на женитьбу, вслѣдствіе чего онъ вынужденъ былъ подать просьбу объ отставкѣ, но эта просьба завалялась въ штабѣ и т. д.»

Разъ какъ-то я спросила Николая, поздно возвратившагося въ гостинницу: когда-же наконецъ онъ освятитъ нашу любовь таинствомъ брака. Онъ какъ-то странно улыбнулся и замѣтилъ мнѣ, что я занимаюсь пустяками.

— Такъ ты называешь **пустяками** честь женщины?

— А хотя бы и такъ! отвѣчалъ мнѣ Николай, вставъ въ вызывающую позу.

Тутъ только я замѣтила, что онъ былъ пьянъ и шатался во всѣ стороны,—а потому я отложила объясненіе съ нимъ до слѣдующаго дня.

Дисненскій.

(*Продолженіе будетъ*).

медленно явившіяся на помощь полиціи войска направились въ разныя части города для прекращенія безпорядковъ. При появленіи войскъ, толпы народа немедленно разбѣгались и вскорѣ въ городѣ повсюду былъ возстановленъ порядокъ. Тѣмъ не менѣе магазины, ресторации и т. п. заведенія были закрыты прежде обычнаго времени. Въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ были сосредоточены значительныя части войскъ, какъ напр.: на Толкучемъ рынкѣ, Старомъ и Новомъ базарахъ и нѣкоторыхъ другихъ многолюдныхъ пунктахъ. Кромѣ того, повсемѣстно въ городѣ разъѣзжали ночью конные полицейскіе стражники и казаки, а также ходили усиленные патрули. Вчера утромъ и затѣмъ до самого вечера въ городѣ было совершенно спокойно.

Виновниковъ вышеупомянутыхъ безпорядковъ вчера-же 16 апрѣля привлекли у мироваго судьи 9 участка г. Одессы, Г. Докса, къ отвѣтственности. Всѣхъ обвиняемыхъ было 12 человѣкъ, задержанныхъ за безпорядки на площади «Куликово Поле».

(«Нов. Т.»)

Судебный отдѣлъ.

4 Апрѣля сего 1886 года въ г. Игуменѣ 1-мъ отдѣленіемъ Минск. Окр. Суда слушалось съ уч. прис. засѣд. дѣло о Фишелѣ Гиммельштейнѣ, обвиняемомъ въ отравленіи Петра Уѣйскаго.

Обстоятельства этого весьма интереснаго дѣла слѣдующія:

10 Января 1885 года въ селѣ Слободо-Пырашевѣ, Игуменскаго уѣзда, скончался отставной рядовой Петръ Уѣйскій, и такъ какъ предшествовавшіе его смерти болѣзненные припадки несомнѣнно указывали на отравленіе, какъ на причину внезапной смерти покойнаго, а у родственниковъ и сосѣдей Уѣйскаго немедленно возникло весьма основательное предположеніе, что онъ отравленъ евреемъ Фишелемъ Гиммельштейномъ, бывшимъ въ его домѣ 1 Января, т. е. въ день заболѣванія покойнаго, то о причинѣ смерти Уѣйскаго произведено было первоначально полицейское дознаніе, а затѣмъ предварительное слѣдствіе.

Судебно-химическое изслѣдованіе внутренностей Петра Уѣйскаго и остатковъ «верещаки», послѣ употребленія которой въ пищу покойный заболѣлъ, обнаружило, какъ видно изъ заключенія Минскаго Врачебнаго Отдѣленія, присутствіе мышьяка во внутренностяхъ Уѣйскаго, а также и въ остаткахъ упомянутой пищи.

Спрошенная на предварительномъ слѣдствіи прежде всего жена покойнаго—Анна Уѣйская разсказала слѣдующее: за нѣсколько дней до новаго года въ ихъ домъ сталъ вдругъ заходить еврей Фишель Гиммельштейнъ, съ которымъ они раньше никакого знакомства не вели. Зайдя первый разъ Гиммельштейнъ сказалъ имъ, что онъ по порученію какихъ-то евреевъ желаетъ купить два пуда сельдей, но, посидѣвъ дома у нихъ безъ всякаго дѣла, ушелъ, и лишь на другой день купилъ всего одинъ фунтъ селедокъ, причемъ вновь оставался безъ всякой причины продолжительное время въ ихъ домѣ. Затѣмъ, въ день новаго года, Гиммельтшейнъ опять зашелъ къ нимъ утромъ; пробылъ долгое время, причемъ въ комнатѣ одинъ не оставался и, взявъ бутылку пива, ушелъ; въ тотъ-же день Гиммельштейнъ зашелъ опять къ нимъ въ сумеркахъ и, оставшись одинъ въ комнатѣ съ ея мужемъ, послалъ его принести ему на одну копѣйку баранокъ; въ это время свидѣтельница возвратилась въ комнату и подошла къ печкѣ, гдѣ на припечкѣ на видномъ мѣстѣ, стоялъ горшокъ съ «верещакою», и начала поправлять дрова; тогда Гиммельштейнъ подскочивъ къ ней, сталъ вдругъ дергать ее за платье, спрашивая ее, приписана-ли она къ своему мужу, такъ какъ въ противномъ случаѣ сына ея не возьмутъ въ солдаты. Во время этого разговора Гиммельштейнъ стоялъ сначала, облокотившись на припечекъ, затѣмъ пошелъ къ дверямъ сѣней и оттуда спросилъ у мужа показательницы сперва на 1-у, потомъ на 2 и, наконецъ, на 3 копѣйки баранокъ. Во все это время Гиммельштейнъ былъ взволнованъ и растерянъ, какъ будто чего-чо боялся, бѣгалъ по комнатѣ безъ всякой цѣли и, вдругъ, получивъ баранки, и сказавъ растерянно, что онъ придетъ завтра и даже сегодня пить пиво, ушелъ. Въ тотъ-же день, часовъ въ 10 вечера, мужъ ея, поѣвъ вышеупомянутой «верещаки», заявилъ, что она горькая; тогда она, показательница, попробовала «верещаку», на которую насыпаны были какія то бѣлыя, блестящія крупинки, но такъ какъ ее стало жечь въ горлѣ, то она ее выплюнула, послѣ чего ее затошнило; ту-же «верещаку» попробовали Иванъ и Марья Дубовики, и у обоихъ отъ нея сдѣлалась рвота. Родственники Гиммельштейна Кикельны питали сильную вражду противъ ея мужа за то, что послѣдній, торгуя водкою, пивомъ и бокалейными товарами, отбивалъ у нихъ торговлю, а потому свидѣтельница полагаетъ, что мужъ ея отравленъ именно Гиммельштейномъ, тѣмъ болѣе, что въ этотъ день въ ихъ домѣ никого, могущаго имѣть интересъ отравить ея мужа не было.

Крестьянка Марія Дубовикъ засвидѣтельствовала, что въ день новаго года, послѣ обѣда она зашла въ домъ Уѣйскихъ въ то время, когда Петръ Уѣйскій въ сѣняхъ доставалъ баранки для Гиммельштейна, оставшагося однимъ въ комнатѣ; когда-же свидѣтельница вошла въ самую комнату, то Гиммельштейнъ быстро отошелъ отъ печи; вслѣдъ за нимъ пришла и хозяйка Анна Уѣйская и подошла къ печкѣ, но Гиммельштейнъ, подскочивъ къ ней, сталъ трясти ее рукою за платье, разговаривая при этомъ ласково съ нею и отвлекая ея вниманіе отъ печи, причемъ имѣлъ совершенно взволнованный и испуганный видъ, сначала опирался локтемъ и закрывалъ стоявшій тамъ горшокъ съ «верещакою», а затѣмъ, когда Уѣйская отошла отъ печи, подбѣжалъ къ дверямъ сѣней и сталъ кричать Уѣйскому принести ему баранокъ на 1, 2 и, наконецъ, 3 коп. Свидѣтельница замѣтила, что Гиммельштейнъ въ замѣшательствѣ посматривалъ все больше на печь; получивъ баранки, вымылъ руки и вытеръ ихъ полотенцемъ, съѣлъ нѣсколько баранокъ, выпилъ пива и, путаясь въ словахъ, поспѣшно удалился изъ хаты Уѣйскихъ. Въ тотъ-же вечеръ Петръ Уѣйскій, поѣвъ «верещаки», заболѣлъ, а свидѣтельницу, а также и Ивана Дубовика послѣ того, какъ они попробовали этой «верещаки», стало сильно рвать. При освидѣтельствованіи Маріи Дубовикъ врачъ усмотрѣлъ у нея значительное разстройство здоровья, какъ послѣдствіе отравленія. Корней Дубовикъ удостовѣрилъ, что на остаткахъ «верещаки», отъ которой заболѣлъ Уѣйскій замѣтны были крупинки въ родѣ соли, и Марія и Иванъ Дубовики, попробовавъ этой «верещаки» заболѣли. Малолѣтній Андрей Дубовикъ показалъ, что, будучи въ день новаго года съ матерью у Уѣйскихъ, онъ видѣлъ, какъ еврей, находившійся вмѣстѣ съ ними въ комнатѣ, облокотился на припечекъ и, разговаривая съ хозяйкою (Уѣйскою), сыпалъ что-то бѣлое въ горшокъ съ «верещакою», стоявшій на припечкѣ; свидѣтель при евреѣ побоялся объ этомъ заявить, а потомъ и позабылъ. Вольнопрактикующій врачъ Шмидтъ, подававшій первую медицинскую помощь покойному Уѣйскому, удостовѣрилъ, что Уѣйскій былъ отравленъ мышьякомъ. Совокупностью показаній свидѣтелей, Петра и Теофиля Павловичей, Серафима Мыслицкаго, Георгія, Тихона и Корнея Дубовиковъ, Александра Пяткевича и Казиміра Ольшевскаго вполнѣ установлено, что евреи села Слободы-Пырашевъ вообще, а въ особенности семья евреевъ Кикольныхъ состоявшая въ родствѣ и особой дружбѣ съ Гиммельштейномъ, были весьма озлоблены противъ покойнаго Петръ Уѣйскаго за подрывъ, который онъ имъ дѣлалъ своею торговлею; вражда противъ Уѣйскаго усилилась преимущественно къ новому году, такъ какъ Уѣйскій намѣревался взять патентъ на право торговли питьями и тогда онъ могъ бы уже доносить на торгующихъ безъ патента Кикольныхъ; послѣдніе неоднократно произносили противъ Уѣйскаго угрозы, высказывая, что если онъ возьметъ патентъ, то до новаго года не доживетъ, а свидѣтелю Петру Павловичу обѣщали 5 рублей, если только онъ какъ нибудь выдворитъ Уѣйскаго изъ села. Изъ дополнительныхъ показаній тѣхъ же свидѣтелей, Петра Павловича и Корнея Дубовика, видно, что Фишель Гиммельштейнъ самъ занимался иногда продажею водки, селедокъ и т. п. рабочимъ, рубящимъ лѣсъ, которымъ и Уѣйскій продавалъ водку; послѣдній же о производимой Гиммельштейномъ безпатентной торговлѣ довелъ даже до свѣдѣнія акцизнаго надзора. Фишель Гиммельштейнъ, привлеченный къ дѣлу, не призналъ себя виновнымъ въ отравленіи Уѣйскаго и заявилъ, что онъ будто съ родственниками своими Кикельными, содержащими корчму, состоитъ даже въ ссорѣ, а къ Уѣйскому никакой вражды не имѣлъ; въ данъ новаго года, при входѣ Дубовиковой, отъ печи вовсе не отходилъ, когда она стояла при печкѣ и заплатье ея не хваталъ.

На судѣ подсудимый—красивый брюнетъ 24 лѣтъ,—не призналъ себя виновнымъ. Пребываніе свое 1-го Января 1885 г. въ с. Слободо—Пырашевѣ и посѣщеніе въ тотъ день дома Уѣйскихъ подсудимый объяснялъ желаніемъ войдти съ крестьянами того села въ соглашеніе относительно перемола зерна въ мельницѣ, но ни одинъ изъ свидѣтелей не подтвердилъ этого обстоятельства. Показанія 18 человѣкъ свидѣтелей—отличались, за исключеніемъ 3-хъ—4-хъ, нѣкоторой сбивчивостью*, изъ числа послѣднихъ Казиміръ Ольшевскій и Тихонъ Дубовикъ прямо заявили, что родственники Гиммельштейна напрашивали всѣхъ свидѣтелей отказаться отъ прежнихъ показаній и говорить въ пользу подсудимыхъ; мальчикъ же 8-ми лѣтъ Андрей Дубовикъ отказался отъ показанія своего у Судеб. Слѣд. Нельзя умолчать также и о томъ, что вопросами защитника подсудимаго Присяжнаго Повѣреннаго г. Иванова выяснено слѣдующее: у жены умершаго отъ отравленія Уѣйскаго есть сынъ 20 лѣтъ, отъ перваго брака; при жизни его отчима онъ не пользовался льготою по отбыванію воинской повинности, теперь-же, послѣ смерти Уѣйскаго, онъ, какъ единственный сынъ при матери вдовѣ, пользуется льготою 1-го разряда. Въ описываемое время, т. е. 1-го Января 1885 года этотъ сынъ былъ въ домѣ Уѣйскихъ. Показаніями свидѣтелей установлено было также, что супруги Уѣйскіе неоднократно ссорились между собою, хотя ссоры эти, по мнѣнію свидѣтелей, не выходили изъ ряда обыкновенныхъ въ крестьянскомъ быту.

Послѣ преній, продолжавшихся около 2 часовъ и резюме предсѣдательствующаго, присяж. засѣд. послѣ 10 мин. совѣщанія вынесли Гиммельштейну безусловно обвинительный вердиктъ. Судъ приговорилъ подсудимаго къ каторжнымъ работамъ на 17 лѣтъ.

*) Приходилось прочитывать въ большинствѣ случаевъ показанія, данныя ими на предварительномъ слѣдствіи.

СМѢСЬ.

—Новый приборъ „Презерваторъ.“ Въ Штутгардѣ появился въ продажѣ новый приборъ для сохраненія, въ жаркое время года, свѣжихъ яицъ, масла и т. п. хозяйственныхъ продуктовъ. Фаянсовый или жестяной сосудъ, куда кладутъ эти продукты, закрывается выпуклой (конической) металлической крышкой; на нее набрасывается суконка, края которой опущены въ круглый желобокъ съ водой. Сукно впитываетъ изъ желоба воду; вода поднимается, всасываясь вверхъ по крышкѣ, и испаряется въ тепломъ воздухѣ; отъ испаренія воды крышка сильно охлаждается. На крышку кладутъ небольшой кусокъ льду; ледъ въ такомъ холодномъ помѣщеніи почти не таетъ; нужно только аккуратно подливать воду въ желобокъ, когда она начнетъ испаряться. Въ химической лабораторіи въ Штутгардѣ изслѣдовали этотъ приборъ и нашли, что свѣжее масло сохраняется въ немъ вполнѣ, не теряя вѣса, въ теченіи 10 дней, а яйца даже 30 дней. (*Родн.*)

Насъ просятъ напечатать слѣдующее:

Пострадавъ отъ пожара ночью съ 19 на 20 сего Апрѣля, (жительство мое было по Рѣзницко-Замковой ул., въ д. Топользоновъ), я считаю священной обязанностью выразить посредствомъ печати въ Вашей „газетѣ“ свою искреннюю благодарность Е. Я. Г-ну Козлину за спасеніе изъ пламени моихъ 4 малютокъ-дѣтей, которыя неминуемо сдѣлались-бы жертвами пожара по моей въ тотъ моментъ растерянности.

Съ почтеніемъ пострадавшій погорѣлецъ, Минскій мѣщанинъ, *Ю. С. Нейфахъ.*

* *
*

Обращаемъ вниманіе на высшей степени бѣдственное положеніе семейства чиновника Минской Губ. Почтовой Конторы Ф. М. Верниковскаго, пострадавшаго отъ пожара 18 апрѣля. Все имущество его сгорѣло до тла. Ф. М. Верниковскій, получаетъ жалованья 20 р. въ м-цъ, никакихъ пособій отъ казны не получалъ и квартирой казенной не пользовался. Желающіе помочь могутъ передавать свои пожертвованія черезъ Редакцію.

Редакторъ **Н. А. Ивановъ.**
Издатель **И. П. Фотинскій.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою. 21 Апрѣля 1886 г. Минскъ.—Типо-литографія И. И. Тасьмана, уголъ Губернаторской и Захарьевской ул., домъ Г. Мельцера, въ Минскѣ.